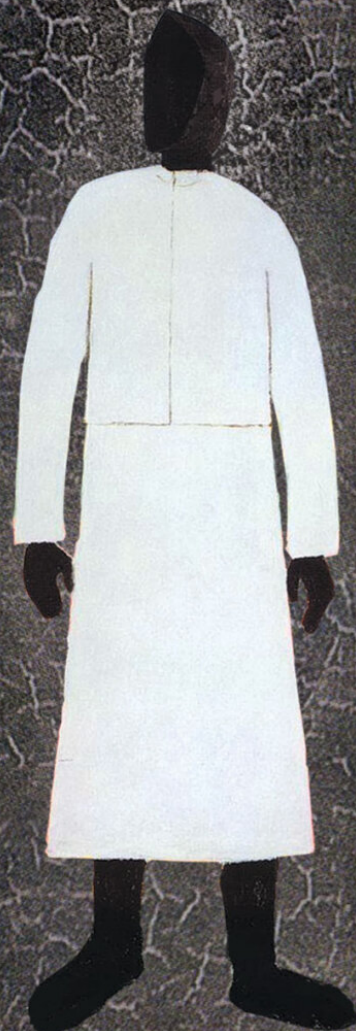

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

НА ПАЛАЧАХ КРОВИ НЕТ

**Типы и нравы
Ленинградского НКВД**

Евгений Лукин

На палачах крови нет. Типы и нравы Ленинградского НКВД

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2022

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Лукин Е. В.

На палачах крови нет. Типы и нравы Ленинградского НКВД /
Е. В. Лукин — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2022

ISBN 978-5-00025-260-4

Уникальную книгу петербургского писателя Евгения Валентиновича Лукина «На палачах крови нет» составили биографические очерки о чекистах — организаторах массовых репрессий в Ленинграде и Ленинградской области в 1937–1938 годах. Очерки написаны на основе совершенно секретных материалов из архивов Федеральной службы безопасности России. Первое издание этой книги, опубликованное малым тиражом четверть века тому назад, давно стало библиографической редкостью. Настоящее издание дополнено авторскими статьями на данную тематику. Помимо скандальной статьи «Палачи» 1989 года, где были впервые обнародованы имена палачей Ленинграда, сюда включены документальные очерки о невинно осужденных поэтах Николае Заболоцком, Бенедикте Лившице, Николае Олейникове, Александре Введенском, Данииле Хармсе, Павле Калитине. Завершает книгу фундаментальная статья «Большой террор в Ленинграде», в которой раскрывается механизм массовых репрессий, проводимых органами НКВД в годы Большого террора. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-260-4

© Лукин Е. В., 2022
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2022

Содержание

На палачах крови нет	7
Трудная судьба книги о палачах	7
Солдат революции	11
Перельмутрише	20
Моонзундский герой	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Лукин
На палачах крови нет. Типы и нравы
Ленинградского НКВД. Сборник
документальных очерков и статей

Памяти А.И. Солженицына

В оформлении обложки использованы фрагменты картин Казимира Малевича

© Лукин Е.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2022

На палачах крови нет

Трудная судьба книги о палачах

*В крови до пят мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.*

Федор Тютчев

Зимой 1988 года в Ленинграде состоялся вечер, посвященный легендарной группе «Обэриу», в котором принимали участие сыновья знаменитых поэтов – Никита Заболоцкий и Александр Олейников. С ними я был давно знаком – они и пригласили меня в Дом актера. Зал был полон – интерес к вечеру необычаен. Выступали деятели культуры, артисты, поэты. Вспоминали забавные истории из тогдашней литературной жизни. Читали веселые стихи обэриутов. Александр Олейников, к примеру, блестяще воспроизводил угрюмо-философскую манеру отца произносить иронические пассажи:

Я влюблен в Генриетту Давыдовну,
А она в меня, кажется, нет.
Ею Шварцу квитанция выдана,
Мне ж квитанции, кажется, нет.

В начале тридцатых годов Генриетта Давыдовна работала в редакции журналов «Еж» и «Чиж» вместе с Олейниковым, Заболоцким, Введенским. Там же начинал свою литературную деятельность и писатель Евгений Шварц. На вечере я сидел рядом со своим близким другом – поэтом Андреем Крыжановским, внуком того самого Шварца, – и все происходящее казалось мне каким-то нереальным, фантастическим воспроизведением минувшего. Нождажданно из зала донесся выкрик:

– Я сын Генриетты Давыдовны!

И на сцену поднялся слегка полноватый мужчина. Ему было лет пятьдесят. Редкая седина поблескивала в иссиня-черных волосах, редким оттенком поблескивал иссиня-черный костюм. Он громко заговорил, распаляясь от слова к слову. Я не сразу понял смысл его речи. Наконец стало понятно главное: он проклинал. Он проклинал власть, проклинал партию, но пуще всего проклинал ужасных чекистов, которые лишили его счастливого детства.

После такой тирады вечер впопыхах завершился. Мы прошли в буфет, сели тесным кружком – Никита Заболоцкий, Александр Олейников, Андрей Крыжановский и я. На столике появились бутылка красного сухого вина, бокалы, конфеты. Вдруг из темноты снова возник иссиня-черный силуэт. Он подсел к нам, попытался заговорить, но, почувствовав отчуждение, что-то пробормотал под нос и исчез.

Вот тут я и рассказал о том, какую зловещую роль в судьбе обэриутов сыграл отец этого человека – ленинградский чекист Вячеслав Ромуальдович Домбровский, муж незабываемой Генриетты Давыдовны. Будучи начальником Секретно-оперативного управления Ленинградского ГПУ, именно он поставил свою подпись под приговором Хармсу и Введенскому. Это обстоятельство впоследствии и привело к гибели поэтов.

Мой рассказ произвел сильное впечатление. Помолчав, Заболоцкий и Олейников разом выдохнули:

– Женя, об этом надо обязательно написать!

Так возник замысел книги о палачах 1937 года. На свой страх и риск я стал собирать архивные материалы и публиковать документальные очерки о сталинских душегубах. Мое тогдашнее начальство в пресс-службе Большого дома относилось к моим трудам индифферентно: его волновали иные проблемы, более насущные в то переломное время. Однако первая статья «Палачи», напечатанная в «Ленинградской правде» летом 1989 года, вызвала скандал. В Центральный комитет КПСС, Ленинградский обком партии и прочие органы посыпались доносы: мол, автор выдал святая святых – впервые назвал имена сталинских палачей Ленинграда. Я был вызван к исполняющему обязанности начальника Ленинградского управления КГБ СССР генералу Владлену Николаевичу Блееру.

– Кто? – Лицо генерала побагровело. – Кто тебе разрешил это напечатать?

– Никто, – ответил я. – Моя совесть.

– Так вот знай, – отчеканил он. – В прокуратуру на тебя поступили заявления с требованием возбудить уголовное дело, и в этой ситуации мы защищать тебя не будем.

Я покинул генеральский кабинет в предчувствии больших испытаний. Честно говоря, заявлений в прокуратуру я так и не увидел, однако доносов на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва и первого секретаря Ленинградского обкома партии Бориса Гидаспова начитался в редакции «Ленинградской правды» вдоволь. Грустно вспоминать об их авторах – известных людях, которые и поныне считаются светочами демократии. Несмотря на эту травлю, я продолжил работу над книгой о палачах, получая моральную поддержку от Андрея Крыжановского, которого время от времени знакомил с рукописью. Последнюю статью напечатал в газете «Литературная Россия» осенью 1991 года – она была посвящена потомку героя Парижской коммуны, ленинградскому чекисту Вячеславу Домбровскому.

Книга была написана, большей частью опубликована в 1989–1991 годах небольшими очерками в советских газетах от Заполярья до Магадана и Краснодара, однако выпускать ее отдельным изданием я не спешил – считал, что читатели еще не готовы к адекватному восприятию подобной информации сразу в большой дозе. Так и сказал об этом в интервью британской газете «Guardian». Бог знает, сколько времени еще пылилась бы рукопись на полке, если бы не один питерский детективщик. Он попросил у меня очерки для ознакомления, а затем предложил их издать. Я полностью доверился ему, и весной 1996 года документальная брошюра увидела свет.

Среди первых читателей оказался петербургский вице-мэр Владимир Путин, которому я при случае вручил ее в Доме актера. Через месяц, ненароком встретив его на Суворовском проспекте, я поинтересовался мнением о подаренной книжке.

– Это интересно! – откликнулся будущий российский президент и пытливо посмотрел на меня.

Вскоре руководитель Российско-американского информационного центра Анна Шароградская организовала презентацию книжной новинки. В зеленой гостиной Дома журналиста собралось много народу. В первых рядах восседал Борис Пустынцев, возглавлявший правозащитную организацию «Гражданский контроль». Его статья, появившаяся в центральной газете «Известия» (04.02.1998), весьма отличалась от остальных, в целом, благоприятных рецензий на мою книгу. За разоблачение сталинских преступлений 1937 года известный правозащитник заклеил меня позорным клеймом, а сталинских палачей ласково поименовал «лицами геройской национальности». Прокатилась молва, что по наущению этого господина посольство США в России устроило форменную взбучку журналистке Анне Шароградской, предоставившей мне трибуну.

Апофеозом травли стал донос в ФСБ, опубликованный в самом начале лета 1996 года в петербургской газете «Невское время». Как и полагается жанру анонимного доноса, подписей под ним не было, лишь перечислялись названия двенадцати правозащитных организаций –

от «Санкт-Петербургского Пен-клуба» и «Международного общества по правам человека» до «Комитета адвокатов в защиту прав человека» и «Гражданского контроля», хором призывавших к расправе надо мной. Особенно возмутила бдительных правозащитников моя характеристика большевистского правительства, которое в одном из очерков я назвал «нашим ненашим». Анонимы увидели в ней намек на тогдашнюю власть и с ходу обвинили меня в политической неблагонадежности: мол, русский офицер не имеет права называть «нашим ненашим» правительство Б.Н. Ельцина, которое «было сформировано на законной демократической основе». И призвали руководство ФСБ раз и навсегда разобраться с вольнодумцем.

Другой донос, направленный в Военную прокуратуру летом 1996 года, был подписан именитым правозащитником из «Мемориала»* Вениамином Иофе, который заявил, что название и содержание книги «полностью противоречит смыслу статьи 18 Закона о реабилитации жертв политических репрессий от 18 октября 1991 года», и потребовал от военного прокурора высказать свое суровое мнение. Фактически он призывал привлечь меня к уголовной ответственности за разглашение секретных сведений о палачах.

Я был вызван к следователю Военной прокуратуры. Следователь напрямую объявил мне, что в своей книге я выдал государственную тайну. Я согласился с ним, ибо на каждом личном деле палача стоял гриф «Совершенно секретно», но заметил, что сделал это еще при старом коммунистическом режиме, когда печатал очерки в советских газетах. Мы стали спорить, какое событие было первичным, а какое вторичным – выпущенная мною книжка или выпущенная мною государственная тайна? Ситуация напоминала абсурд в духе обэриутов. Предлагалось решить, что было раньше: тайна или книжка, курица или яйцо? В конце концов следователь потребовал, чтобы я подтвердил свое алиби старыми газетными публикациями, вышедшими до пресловутого закона от 18 октября 1991 года, который на деле закрыл сведения о сталинских палачах. Это был один из первых законов, поспешно принятых новой демократической властью, – вот как ее заботила проблема сталинских палачей!

В том, что нынешние либералы являются наследниками большевиков, едва ли кто сомневался. Злые языки даже поговаривали, что лидер питерских правозащитников Борис Пустынцев будто бы приходился отпрыском главному палачу Ленинграда – первому заместителю начальника Ленинградского управления НКВД Шапиро-Дайховскому, непосредственно руководившему массовыми репрессиями в 1937–1938 годах. В качестве доказательства они указывали на удивительное совпадение фамилий главного палача и матери правозащитника. Благодаря этому становилось понятно, почему сей идейный борец с коммунизмом так «героизировал» сталинских палачей. Но это ничуть не соответствовало действительности.

Впрочем, попытки оправдать преступников предпринимались каждый раз, как только среди них отыскивалась «родная кровиночка». Однажды мне домой позвонила активистка московского общества «Мемориал»¹. Оказалось, она обнаружила среди персонажей моей книги родственника, который возглавлял Дорожно-транспортный отдел Ленинградского управления НКВД. «Вы оболгали невинного человека! – решительно заявила активистка. – Мой дядя занимался дорожным строительством, а не массовыми репрессиями». Пришлось пояснить, что сотрудники дорожно-транспортного отдела НКВД вовсе не дороги строили, а ставили к стенке тех, кто эти дороги строил. Мое объяснение не удовлетворило активистку, и она пригрозила мне судебными неприятностями...

Предчувствие грядущих испытаний не обмануло меня. Малотиражная книга «На палачах крови нет» изменила мою судьбу. По старой российской традиции, мое военное начальство, реагируя на призыв демократической «общественности», приняло самое простое решение –

---

¹ В 2014 году Правозащитный центр «Мемориал» решением судебных органов России был внесен в реестр иностранных агентов, «Международный мемориал» – в 2016-м.

убрать офицера с глаз долой, сиречь отправить воевать на Кавказ. Мне выпало побывать в несчастной, окровавленной Чечне, после чего в один день быть награжденным и отставленным.

Со временем книга о палачах обрела свою историю, обросла легендами и слухами. Наверное, стоит ее переиздать, ибо пепел Клааса – прах невинных жертв с тайного кладбища НКВД на Левашовской пустоши – до сих пор стучит в наши сердца.

Евгений Лукин

Санкт-Петербург

Солдат революции

*Взрывайте, дробите
мир старый!
В разгаре вселенской борьбы
и в зареве рдяных пожаров
не знайте пощады —
душите
костлявое тело судьбы!*

Василий Александровский, 1918 г.

Теперь уже, наверно, никто не сможет поведать о том, почему он, деревенский малограмотный парнишка, бежал от отца в Питер. То ли крутой нрав новгородского землепашца Родиона Матвеева был тому причиной, то ли рано проснувшееся желание самого Михаила жить своевольно, то ли еще что. Известно: поздней осенью 1907 года пятнадцатилетний паренек очутился в столице Российской империи. В руках – узелок с бельишком и небольшими сбережениями: как-никак два лета бурлачил на Мете у подрядчика Шаркова. Устроился поначалу мальчишкой на побегушках в частную техническую контору «Иохим», а затем рассыльным при Ларинской гимназии. Город знал плохо. Посему вскоре перевели его в истопники: дело нехитрое – знай подбрасывай поленья в огонь. Перезимовал между печками в классных коридорах. Потом подался в конюхи, а там – в швейцары.

Так вот и мытарствовал бы Михаил Матвеев в Питере, если б не повстречал рабочего Жукова. Он, Жуков, как увидел нескладного швейцара у девятого дома на Бармалеевой улице, сразу понял: пропадет парень, обернется блюдолизом. И привел его на завод «Вулкан». Стал Матвеев подручным токаря: трудился рука об руку с Тишкой Гартным, будущим большевистским писателем и академиком.

С тех самых пор накрепко связал Михаил свою жизнь с рабочей Петроградской стороной. Здесь нашел любовь-зазнобу. Здесь родился у него первый сын. Здесь в феврале 1917 года добровольно вступил в Красную гвардию. Командир отряда Луц так и сказал: «Матвеев нашенский – не подведет!» Не подвел: во время уличных боев метко стрелял по жандармам – последним гвардейцам, отважившимся защищать павший царский трон. Надежным человеком был Матвеев: что ни скажут – сделает без рассуждения. Вот и 25 октября явился, как приказали, на заводской двор. Вместе со всеми вскрывал топором длинные ящики с винтовками, присланные сестрорецкими оружейниками. Вместе со всеми шагал под красным знаменем к Зимнему дворцу, чтобы свергнуть по призыву большевиков демократическое Временное правительство. У дворца его избили до полусмерти. Позднее вспоминал:

«Нанесено было до 20 ударов тупым оружием по голове. Перевязку мне сделали в Преображенском полку по распоряжению т. Антонова-Овсеенко» [1].

Это был первый бой Михаила Матвеева за Советскую власть. А сколько еще впереди!

В красногвардейской цепи спускался он с Пулковских высот навстречу казачьим сотням генерала Краснова. Сквозь декабрьскую метель мчался по чугунке, вез голодающим эшелон хлеба с украинской станции Гришино – по личному указанию Владимира Ленина. Возглавлял летучий отряд Чека на Петроградской стороне. Штурмовал мятежные форты Красная Горка и Серая Лошадь. И жестоко мстил за гибель 370 красных бойцов, казненных неключовцами накануне:

«Вместе с Павлуновским, Медведевым, Ждановым, Разиным, Судаковым и Ругаевым производили все операции расстрела собственноручно» [2].

За беспощадную борьбу с контрреволюцией получил именной браунинг.

Только вот задумывался ли он, кого убивал? На фортах, в крепостных полках служили его земляки – крестьяне Новгородской и Псковской губерний, уже познавшие, что такое продразверстка. Вряд ли думал о том бесстрашный чекист. С тех пор как избили его у Зимнего дворца, частенько терял память, истерично кричал или морщился от болей, разламывающих голову. Да и забыл Михаил, откуда родом – из какого родника воду пил, из какой печи хлеб ел. За десять с лишним лет ни разу не приехал в отчий дом: напрасно ждала его старая мать Прасковья Осиповна, схоронившая мужа на деревенском погосте...

Но служил Михаил честно, как подобает солдату Революции, в которую он верил и которую, может быть, даже боготворил. Правда, однажды написал, как мог, бумагу начальнику:

«В виду того, что я человек мало грамотной и кроме всего того не обладаю памятью и красноречием, посему считаю себя слабым для работ. Прошу вашево разрешения для использования миня на другой работе или вовсе уволить из органов ГПУ как неспособново» [3].

Случилось это после того, как выручил он своего друга Юргенса: тот, будучи выпившим, тащил с фабрики шоколад милиционеру Фишу. Задержали пьяницу на проходной, сдали куда надо. Он позвонил Матвееву: Миша, спасай, залетел по пьянке! Спас – ослобонил от народного суда. Но кто-то заинтересовался этим делом: Фиша осудили на год «за незаконное получение продуктов», а Матвееву, зная не знавшему про украденный шоколад, вклеили строгача по партийной линии. Он замкнулся, понял, что в ГПУ «много публики, которая всегда способна закопать живым в могилу». На рапорт наложили снисходительную резолюцию: «Несвоевременно, так как вопрос не стоит так остро, как вы указываете». То есть, вроде как малограмотные, не обладающие памятью и красноречием, еще нужны ГПУ. И остался Михаил Матвеев чекистить.

Чекист Михаил Матвеев. Тюремная фотография 1930-х годов

Тогда его сразу в Томск отправили: там комендант требовался – отстреливать контру. Из Томска перебросили в Троцк, где находился политический карантин для беженцев из Прибалтики. Тут с порученной работой не справился: уж больно был охоч до баб. Приглянулась ему эстонская беженка Висман, и закутил с ней напропалую: водка, конфеты, яблоки и все такое. Короче, оскандалился. Отругали Михаила за моральную нестойкость, стали кумекать: куда еще послать? На оперативную работу нельзя: в бумагах так накаракулит – сам черт не разберет. Необразован ведь. И решили: раз другому мастерству не обучен, то быть Матвееву комендантом Ленинградского ГПУ, командовать расстрелями.

Четыре года стрелял без единой осечки. От самого Ульриха благодарность получил – за умелую организацию «процесса» над Шиллером и Карташевым. А какая характеристика! «Исполнительный, дисциплинированный и преданный работник». «Работает без ограничения времени». «Проводит операции, выполняет их хорошо, быстро и толково». Правда, «в работе проявляет иногда излишнюю горячность», «бывает вспыльчив и резок ввиду болезненного состояния», то есть виноват в этом не Матвеев, а прапорщики у Зимнего дворца, что голову его не поберегли для толкового дела.

В 1933 году передал Матвеев расстрельные бумаги своему помощнику Александру Поликарпову, а сам стал заместителем начальника Ленинградского ГПУ по административно-хозяйственной части: выслужился, так сказать. В дудергофском заповеднике под Ораниенбаумом для Кирова, Кодацкого и прочих высокопоставленных большевиков охоту организовывал, чтобы, значит, кабаны вовремя из кустов выскакивали, а пробки – из бутылок. Доставал чинушам каракулевые и меховые тужурки. Отправлял, согласно списку, пакеты с красной икрой, балыками и другой снедью в Москву. Попойки устраивал на дачах: по поводу приезда начальника Ленинградского управления НКВД Льва Заковского, отъезда его жены к Черному морю на отдых, назначения Перельмутра руководителем местной контрразведки, празднования годовщины Октябрьской революции и просто так, без повода [4].

На холостяцких пирушках Заковский, бывало, напьется, увидит симпатичную незнакомку, заплачется: хорошая девочка – жаль, не моя. Матвеев тут как тут с утешением: вот когда лакейская выучка пригодилась. А сам никак не мог понять: чего так хозяин убивается? Баб кругом пруд пруди – выбирай любую. Однажды поехал в сочинский санаторий. По дороге познакомился с Изольдой Донгер. Об этой веселой и любвеобильной даме особо следует рассказать.

Певщица Изольда Донгер. Фотография 1920-х годов

В 1901 году ее матушка вышла замуж за шведского боцмана Эдуарда Стуре. Через две недели после свадьбы он ушел надолго в море, а молоденькая жена уехала в имение Зегевольд, где за ней стал ухаживать князь Кропоткин. Когда боцман вернулся, то застал возлюбленную в интересном положении. С горя запил, рехнулся и бросился в бездну вод. Родившуюся девочку сумасшедшая мать вздернула на люстре и скрылась в неизвестном направлении. Эльзу чудом спасли и отдали в рижский приют «Айхенгайм», где она и воспитывалась. В 1919 году сиротка бежала из приюта вместе с отступающими красными латышами: среди них был и знаменитый чекист Берзин. В Москве по рекомендации последнего стала работать в Реввоенсовете республики, однако вскоре была уволена: дала пощечину племяннику Троцкого, который нагло приставал к ней. Приехала в Питер и, мечтая об артистической карьере, занялась проституцией [5]. С неделю ее клиентом, к примеру, был немецкий кинорежиссер и писатель Вильгельм Аксель, пообещавший устроить девицу в неаполитанскую школу пения и, конечно же, обманувший ее. В конце концов Эльзе удалось соблазнить одного актера: тот поселил неопитку в своей квартире на Невском проспекте, купил красивый костюм и придумал изящный сценический псевдоним – Изольда Донгер. С той поры гастролировала она по городам и весям, распевая

тирольские песенки [6]. Узнав, что Матвеев служит в НКВД, певица расплылась в очаровательной улыбке: актер ей смертельно надоел – хотелось выселить его из квартиры куда-нибудь подальше. По возвращении в Питер позвонила Михаилу: «Не зайдете ли посмотреть мою печку – вроде как надо ее переложить?» Конечно, зашел. И остался до утра – печку осматривать [7] ... Прямо как в сказке: деревенский крестьянишко с княжеской доченькой! Но солдат с кем ни спит, а служба идет.

Чекист Леонид Ваковский (Штубис). Фотография 1920-х годов

В октябре 1937 года Ваковский вызвал Матвеева и вручил ему протоколы на тысячу с лишним приговоренных к расстрелу. Заглянул Михаил в расстрельные списки – мать честная, кого там только нет! Предводитель кулацкого мятежа Порфирий Железняк. Офицер деникинской контрразведки Леонид Дашкевич. Одесский бандит Яшка Кушнер. Грузинский князь Яссе Андронников. Французский журналист Жан Рено. Потомственный адвокат Александр Бобрищев-Пушкин. Бывший чекист Иван Тунтул. Недобитый анархист Николай Владимирский... Троцкисты, монархисты, графья и аферисты – все в одной яме лежать будете. Эх, молодость – Красная Горка, Серая Лошадь!

И отправился Михаил Матвеев на Соловки выполнять задание государственной важности, можно сказать, приказ Революции – убивать. По пути в Медвежьегорском концлагере

НКВД срубил пару березовых палок – лупил ими осужденных «без всякой к тому надобности» [8]. Глядя на него, подручные тоже вошли в раж: двух зеков удушили просто так. Обезумев, зверствовал Матвеев и на Соловках: колотил контриков по головам, по спинам – всех, кто под горячую руку подвернется. Приговоренных расстреливал «быстро, точно и толково». Лишь пятерых из тысячи помиловал – и то потому, что московский начальник, главный тюремщик страны Яков Вейншток приказал стукачей не трогать: в других лагерях пригодятся.

Героем вернулся Матвеев в Питер и «за укрепление социалистического строя» удостоился законной награды Революции – ордена Красной Звезды. По такому случаю был сабантуй, на котором подвыпивший Заковский хвастался, что скоро переберется в столицу. Матвееву предстояло отблагодарить хозяина. И он постарался: на 120 тысяч рублей казенного имущества упаковал и отправил в Москву [4]. Уехал тот, а на его место старый партийный работник – Литвин. А с ним целая свора столичных хамов примчалась: Альтман, Гейман, Скурихин, Хатенев, Лернер. Все в руководящие кресла уселись. И началось по-новому. Гейман присмотрел шикарную ленинградскую квартиру – плевать, что в ней живут люди. Потребовал себе, солдату Революции. Скурихин винный сервиз запросил – хватит солдату Революции из жестяной кружки пить. Альтман трижды менял автомашину, пока не успокоился на достойной солдата Революции – на «Крайслере». И каждому подай: столовое серебро, мебель из красного дерева, прислугу на дом и прислугу на дачу. И всё – бесплатно, как для всех настоящих солдат Революции.

СОВ. СЕКРЕТНО.

4 АВ-2.
Лит. _____

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УПРАВЛЕНИЕ НКВД
по
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
8-Я УГБ

Отдел _____
16. X 1937 г.
№ 116/52

Ленинград, пр. Володарского,
Тел. Коммун. УНКВД
Краткое содержание:

Вх. № _____ На № _____ от _____ 1937 г.
(При отсылке сослаться на вх. №, часам и Отделу)
ТОЛЬКО ЛИЧНО.

ЗАМ. НАЧ. АХУ УНКВД ЛО
КАПИТАНУ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ. -
т. МАТВЕЕВУ.

ПРЕДПИСАНИЕ.

Предлагается осужденных Особой Тройкой
УНКВД ЛО согласно прилагаемых к нему копий про-
токолов Тройки за № 81, 82, 83, 84 и 85 от 9, 10 и
14 Октября с/г. - ВСЕГО в количестве 1116 человек
содержащихся в Соловецкой тюрьме ГУГБ НКВД СССР -
РАССТРЕЛЯТЬ

Для этой цели Вам надлежит немедленно
выехать в г. Кемь и связавшись с Начальником Со-
ловецкой тюрьмы ГУГБ-Ст. Майором Госбезопасности
т. АПЕТЕР, которому одновременно с этим даются
указания о выдаче осужденных, - привести пригово-
ры в исполнение согласно данных Вам лично ука-
заний.

Исполнение донесите-представив по возвра-
щении акты.

ПРИМЕЧАНИЕ: При получении осужденных необ-
ходимо тщательно проверить
установочные данные на каждого
использовав в фотокарточки
имевшиеся в личных делах.

НАЧ. УПР. НКВД ЛО
КОМИССАРИАТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ - РАЙГУ: -

Закон

Предписание Михаилу Матвееву на расстрел 1116 соловецких заключенных, подписанное Л.М. Заковским

С досады возмущился начальник Матвеева Мочалов, пожаловался Литвину: нескромно ведут себя некоторые чекисты, а денег в казне НКВД нет. И тут же угодил в тюрьму «за контрреволюционную деятельность». Матвеев, конечно, язычок прикусил, припомнив, как «здесь много публики, которая всегда способна закопать живым в могилу». Все ж и его арестовали. А обвинили в том, что выполнил он незаконный, как оказалось, приказ Ваковского и расстрелял безвинных контриков. И того предводителя кулацкого мятежа. И офицера деникинской контрразведки. И одесского бандита. И грузинского князя. И французского журналиста. И русского дворянина. И бывшего чекиста. И анархиста...

Суров военный трибунал НКВД – десять лет Михаилу дали. Радуйся, что жив остался. Прибыл по этапу в Волжский концлагерь, что неподалеку от Рыбинска расположился. Вместе со всеми на общие работы поплелся, вместе со всеми за паршивой порцайкой встал. Но недолго пришлось Матвееву лагерную баланду хлебать – накатила война. Вышло так: освободили его по специальному постановлению Президиума Верховного Совета СССР. Едва успел в Ленинград – и кляцнуло за ним немецкое блокадное кольцо. Пришел в управление НКВД на Литейном проспекте, попросился назад: «Прошу Вас вернуть меня в родную армию чекистов». Оставшиеся в живых сослуживцы похлопали бывшего арестанта по плечу: всякое, мол, бывает. И поручили заведовать внутренней тюрьмой – из огня, что называется, да в полымя. Всю войну то дрова доставал, то продукты. Даже орденом Ленина наградили за добросовестную службу.

Страшной зимой 1942 года вспомнил про Донгер: жива ли? Побрел по известному адресу и застал ее «опухшей от голода» [9]. Разговорились. Изольда все о близкой смерти плакалась, а потом вдруг про Александра Поликарпова спросила: «А правда, что он после твоего ареста написал какое-то письмо и застрелился?» Грубо оборвал ее: «Не твоё дело!» [7] И жалко стало эту красивую умирающую стерву: погибнет ни за что ни про что. Пообещал переправить ее в тыл на Большую землю. Слово свое сдержал.

Все-таки роковой женщиной была эта Донгер: многие ее любили, но никому не принесла она счастья. Своего третьего мужа довела до того, что тот в разгромленную Германию бежал, лишь бы быть подальше от нее. Привозил оттуда меховые шубки да шелковые платья. А Изольда про богатого друга ему талдычила:

«У него сундуки полны, причем не с немецкими вещами, как ты привозишь, а американские отрезы, золото и бриллианты. Он рассказывал, что когда он приехал в квартиру, то бриллианты в вазах так и стояли. Ты знаешь, сколько у него пар золотых часов? Он мне в подарок на день рождения принес дамские золотые часы, все усыпанные бриллиантами!» [ю]

И требовала себе таких же подарков.

В конце концов попался бедный муженек, а следом и ее арестовали «за пропаганду прогерманских националистических взглядов, клевету на русский народ и советскую действительность» [11]. Если б знал солдат, с кем гулял! А Донгер козыряла на допросах чем могла. Поэтому и Михаила Матвеева как дружка своего старинного преподнесла. Допросили чекиста: что знаешь – говори! Ничего-то он, кроме печки, не знал, но понял: охмурила его дура, приворожила, и теперь придется расплачиваться сполна. Но второй раз в тюрьме сидеть? Ну уж дудки! И взмолился Матвеев об отставке, только бы все по-тихому. Отставку дали, учтя заслуги.

Вышел Михаил из Большого дома НКВД на Литейном, добрел до Невского проспекта, где начинал мальчиком на побегушках. Может, вспомнил отца-мать по дороге. И дом свой деревенский. И всю жизнь свою революционную, начавшуюся у стен Зимнего дворца. И тысячи расстрелянных им на далеких Соловках в Белом море. Но скорее всего, ничегошеньки не вспомнил Михаил Матвеев. Ни в чем не усомнился он, солдат Революции, беспрекословно исполнявший ее кровавые приказы. А в 1971 году помер и, кажется, ни разу не перевернулся в гробу.

Список источников

1. Автобиография, датированная 28.09.1938 г. (архивное личное дело Матвеева М.Р. № 11 868).
2. Автобиография, датированная 01.10.1932 г. (там же).
3. Рапорт от 04.07.1922 г. (там же).

4. Показания Мочалова В.В. от 31.01. и 09.02.1939 г. (архивное следственное дело на Мочалова В. В. N 56 873-38 г.).

5. Показания Стуре Э.Э. от 20.04.1949 г. (архивное следственное дело на Стуре Э. Э. № 5-49 г.).

6. Автобиография Стуре Э.Э., датированная 27.01.1944 г. (там же).

7. Показания Стуре Э.Э. от 25.04.1949 г. (там же).

8. Справка от 18.11.1949 г. (архивное следственное дело Матвеева М.Р. № 905003).

9. Показания Матвеева М.Р. от 06.07.1949 г. (архивное личное дело Матвеева М.Р. № 11 868).

10. Справка от 16.12.1949 г. (архивное следственное дело № 5-49 г. на Стуре Э.Э.).

11. Обвинительное заключение от 11.05.1949 г. (там же).

Впервые опубликовано в газете «Невский проспект», 1991, январь – февраль, № 3. С. 14.

Перельмутрище

*Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод.*

Максимилиан Волошин, 1918 г.

В Петербурге на Лиговке дом стоит, номер сорок четыре – неподалеку от Невского проспекта. Дом как дом, Перцов называется. Когда-то здесь, в деревянном флигеле, революционер-демократ Виссарион Белинский скончался. Перед смертью всё великого писателя Гоголя поносил: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия... По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь!» А Гоголь ему смиренно: «И вы, и я перешли в излишество. Я, по крайней мере, сознаюсь в этом, но сознаетесь ли вы?» Куда там! Так и помер, норовя глотку перегрызть всякому, кто усомнится в грядущем царствии свободы – без Бога.

Советский прозаик Василий Михайлович Андреев в Перцовом доме своих героев любил поселять. Один из них, сын переплетчика Андрей Тропин, будучи комиссаром на Гражданской войне, чуть рассудка не лишился, в уме прикидывая: как бы круг заколдованный расколдовать, ни Богу, ни дьяволу не поклониться? У Тропина расколдовка не получалась: ради Виссарионова царствия свободы через невесту перешагнул – убийца!

Но то литературный герой – лицо мифическое, вымышленное. Я же хочу рассказать о человеке явном, некогда жившем в Перцовом доме, – человеке, можно сказать, какого-то сатанинского происхождения. Через невесту, правда, он не переступал, потому что таковой у него никогда не было. Зато, как звездам, не было числа тем, кого он запытал, изсилит, замучил.

Перцов дом № 44 на Лиговском проспекте, где жил чекист Яков Перельмутр. Современная фотография

Его прошлое темно. Городской совет Чудново, что на Житомирщине, в 1926 году такую справку дал:

«Гражданин Яков Перельмутр до революции занимался юридическими делами как адвокат. В гимназии учился на средства отца. Социальное положение его отца то же самое... Семья простая, интеллигентная. В отношении личности Якова Перельмутра ничего предосудительного не замечено» [1].

Этакий скромный вежливый стряпчий с водянистыми глазами. Недаром говорят: в тихом омуте черти водятся.

В мае 1916 года мобилизовали адвоката в царскую армию и сразу на Румынский фронт послали. В боях новобранец не участвовал, контузий и ранений не получил, Георгиевских крестов тем паче, но как-то очень быстро подсуелится, извернулся и оборотился военным чиновником 51-го тылового эвакуационного пункта в Одессе. Тут и показал себя.

С началом Февральской революции власть в городе захватил Румчерод, в котором рабочие, солдатские и флотские депутаты собрались. Ну а наш здоровяк представлял в нем покалеченных в сражениях воинов. На митингах геройствовал, громче всех кричал, брызжа слюной, требовал низвергнуть Центральную Раду, а «синих жупанов» разогнать. Но 13 марта 1918 года на одесскую брусчатку германские солдаты ступили, затворами клацнули. И бежал впопыхах Яков Перельмутр домой в Чудново.

Пока отсиживался под родительским крылышком, опасаясь чужеземных «гусар смерти», вся Малороссия вздыбилась – не пожелала быть под пятой продавшегося гетмана Скоропадского. Эсер Борис Донской убил в Киеве немецкого фельдмаршала Эйхгорна. А железнодорожники повсеместно забастовали: ни один паровоз на станциях с места не тронулся, ни один эшелон с хлебом в Берлин не ушел. Ненависть и ярость такой была, что, казалось, поднеси зажженную спичку – весь мир вдребезги разлетится...

Наконец, Богунский полк, сформированный легендарным красным командиром Николаем Щорсом, замаршировал по житомирским дорогам. Вылез Яков Перельмутр из закутка, объявился: я – партизан и боротьбист, сражавшийся против угнетателей и захватчиков. С таким жаром говорил, что поверили ему и назначили командовать отрядом особого назначения.

Город Новоград-Волинский оборонял от красных батальон полковника Соколовского. Перельмутр, ясное дело, в рукопашную с ботунцами не ходил – под черемухами тихонько полеживал, ожидая, когда пленных начнут с передовой доставлять. Вот они, голубчики, появились – оборванные, грязные, жалкие плетутся. Выпрыгнул из черемуховой кипени Яков: к ровчику их, к ровчику ведите! Поставил соколовцев на краю мрачной бездны и, высунув от удовольствия красный язычок, пульку за пулкой стал выстреливать из маузера – раскалываются черепа, мозги в разные стороны разбрызгиваются. Весело!

Удача в сражении капризна, изменчива: вчера красные неостановимо наступали, сегодня белые их окружают, вот-вот западню захлопнут. Учужал Перельмутр, что в воздухе жареным запахло, быстренько бумажки какие-то в портфель запихал, прихватил с собой двух пленных офицеров, буркнул: надобно, черт побери, этих важных особ срочно в Москву доставить! Взыюркнул на тарантайку, и след его простыл...

Ранним октябрьским утром 1919 года ответственный секретарь президиума Волинского ревтрибунала ступил на Красную площадь столицы. Стальной взгляд и решительный шаг свидетельствовали о твердости и нестигаемости его духа. Он проследовал к зданию Московской чрезвычайки, где предложил свои услуги. Не спеша заполнил служебную анкету:

«Перельмутр Яков Ефимович, фамилию не менял, родился 24 июля 1897 года, образование среднее, документов не имею».

Спустя годы дотошные архивисты, пытаясь выяснить жизненный путь этого склонного к мистификациям человека, установили, «що Перельмутр в Трибунали процював на посади диловода и не довгий час, э билипе неяких видомостей не маэться» [2]. Так: ни командиром партизанского отряда на Житомирщине, ни начальником разведки Первой революционной дивизии, ни ответственным секретарем президиума Волинского ревтрибунала, ни членом коллегии Закавказской чрезвычайки он не был – «неяких видомостей» на этот счет архивисты не обнаружили. Позднее, став влиятельным чекистом, Перельмутр через своего секретаря Мишку Брозголя справил себе документы, будто бы подтверждавшие его славный революционный путь. Тогда многие советские плутократы проделывали такой фокус. Даже Мишка Брозголь по-наглому попытался получить билет участника Гражданской войны, хотя в эти смутные годы пребывал во Франции, но бдительная сотрудница НКВД Анка-пулеметчица его в последний момент ушучила. А вот Перельмутра изобличить не смогла: туманной и темной была его дорога.

В Харьковском ГПУ, где одно время трудился наш неуловимый герой, о нем придерживались разноречивого мнения. Один начальник ругал его на чем свет стоит:

«Имеет следующие недостатки: 1. Высоко мнит о себе. 2. Карьерист. 3. Неуживчив и, наконец, живет не по средствам – имеет очень большие долги».

Другой начальник нахвалиться не мог:

«Энергичен, решителен, силу воли имеет, дисциплинирован, здоровьем слаб, отношение к сотрудникам требовательное, пока минусов не замечал, может быть вполне назначен на должность начальника» [3].

Чекист Яков Перельмутр. Фотография 1930-х годов

Здоровьем Перельмутр и вправду не блистал: страдал ожирением сердца. Врач ему: «Яков Ефимович, рекомендую в Ессентуки съездить – там ожирелые субъекты и соответствующий стол, и минеральные воды, и дозированные прогулки получают». Пациенту некогда: окружил себя холуями, барствует, веселится – пьянка за пьянкой, гульба за гульбой. Отсюда, видать, и долги, и прочие неприятности. Одна неприятность чуть роковой не стала: уволили Перельмутра из Харьковского ГПУ в двадцать четыре часа. Что случилось, что произошло? Никому не известно. Будто какая неведомая сила уничтожала документы, заметала черные следы.

Вынырнул он из темноты на невском берегу: тихонький, сгорбленный, со слезящимися глазками – предстал перед давнишним приятелем Давидом Ринкманом, то бишь заместителем начальника Ленинградского ГПУ Петром Карпенко:

«Перельмутр стал просить меня не оставлять его в таком бедственном положении и прийти ему на помощь» [4].

Он соглашался на любую, самую неприметную должностенку, лишь бы как-нибудь зацепиться, удержаться, а там... Лиха беда начало – рядовой инспектор Дорожно-транспортного отдела.

Стал служить Яков Ефимович при питерской железной дороге. Карпенко ему покровительствовал – глядь, через год-другой обернулся наш герой начальником отдела: у сослуживцев глаза от удивления на лоб повылазили. Сызнова забарствовал Перельмутр, сызнова загулял: хозяин, едрит твою! Собирал дружков-холуйков на секретной даче у Мельничного ручья: те фотоаппараты ему дарили, радиолы. Потом пили-ели с серебряной посуды, отобранной у дворян и буржуев. Напивались до чертиков. Клялись в любви и преданности: больше всех Мишка Брозголь усердствовал. Ну а кто на дачу не ездил, подарков не дарил, да еще осмеливался острым словом с хозяином перемолвиться – тот со временем незаметно исчезал: был и нету.

Великим чародеем был этот Перельмутр. Непосвященные в тайны его колдовства изумлялись и ахали, а посвященные старались держать язык за зубами. Крестьянин Андреев не успел глаза со сна протереть – стучат в дверь: «Чека!» Повели полусонного во двор, заставили сарай открыть. Покопошились в сене и – вытащили оттуда винтовку, другую, третью... Судорожно крестится Андреев: «Нечистая сила, нечистая сила! В жисть оружия не имел!» А Перельмутр похлопывает его по плечу: «Оказывается, повстанец ты, батенька»...

И допрашивал арестанта Яков Ефимович с блеском и виртуозностью неслыханной:

«Я знаю, что вы не виновны, но на вас выпал жребий и вы должны подписать этот лживый протокол, в противном случае вас будут бить до тех пор, пока вы не подпишете или не умрете» [5].

Арестант, конечно, подписывал: черт с вами! Один раз Сергей Миронович Киров, возглавлявший в начале 30-х годов внесудебную тройку при Ленинградском ГПУ, почуял неладное и заявил, что сомневается в перельмутровской честности: уж слишком фантастичны его дела. Струхнул тогда Перельмутр не на шутку. Правда, Кирова вскоре убили...

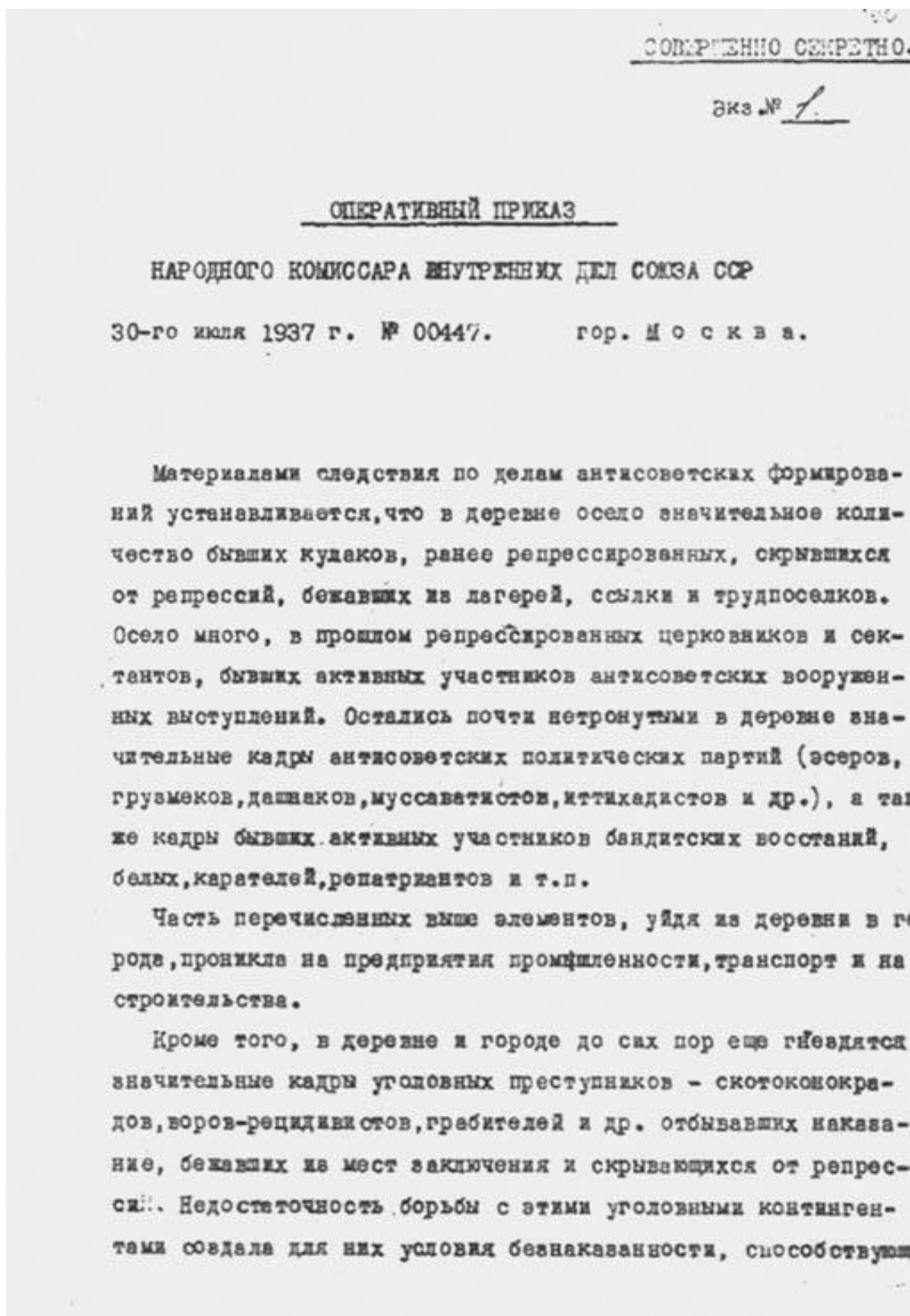
Этот выстрел в Смольном 1 декабря 1934 года – роковой для российской истории. Наверно, еще никогда смерть одного человека не приносила столь страшных последствий. Массовый психоз захлестнул страну. Печать нагнетала страсти, возвеличивала НКВД, выдавала мелочное доносительство за великую доблесть. От чекистов требовали крови врагов народа. И вот на волне всеобщей истерии, разожженной властителями, генеральный комиссар госбезопасности Николай Ежов издает совершенно секретный приказ № 00447:

«С 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, антисоветских элементов и уголовников».

Нет спору, и раньше большевики осуществляли массовый террор против населения, но такого тотального геноцида еще не знала история. Специальными нормативными актами НКВД получал необычайную власть. Из Москвы поступали распоряжения, конкретно определявшие количество и качество истребляемого «человеческого материала» на местах.

В Ленинграде для убыстренного рассмотрения дел арестованных назначалась внесудебная тройка в составе: начальник Ленинградского УНКВД Ваковский (Штубис), секретарь обкома ВКП(б) Смородин, прокурор Позеры. Непосредственное руководство геноцидом в Ленинграде и Ленинградской области возлагалось на первого заместителя Ваковского – Натана Ефимовича Шапиро-Дайховского. Первоначальный «лимит» определялся: 4 тысячи человек – на расстрел, 8 тысяч – в концлагеря. «Операция» была расписана до малейших деталей. О ее ходе Москва информировалась каждые пять дней. И бесчеловечная машина террора заработала.

Перельмутру приказ этот был как манна небесная. К тому времени он уже давно контрразведывательный отдел возглавлял.

Оперативный приказ № 004470 от 30 июля 1937 г. о начале массовых репрессий, подписанный наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым

Прочитав ежовскую директиву, Перельмутр со товарищи тут же предложил организовать «социалистическое соревнование» и составить «встречный план»: нам приказали тысячу арестовать, а мы арестуем полторы. И грозно спрашивал у входящего в кабинет чекиста:

«Сколько постановлений на арест вы принесли?» Тот мнется: «Двадцать...». Перельмутр в крик: «Никуда не годится! Вам минимальный лимит – 100» [6].

Рабочий Никашкин из Красной армии пришел – не успел на оружейный завод устроиться, как за решеткой оказался. Измордовали его по-страшному: «Это ты в пушки песок подсыпал?» Никашкин родной матерью клянется, что нет. В конце концов выяснилось: подсыпал кто-то другой, и Никашкина освобождать надобно. А Перельмутр ни в какую не соглашается: «Брака в работе не допущу, цифирь уменьшать тем паче – расстрелять диверсанта Никашкина!»

Если уж бывший красноармеец ломаного гроша не стоил, то что говорить о бывших бело-гвардейцах? Их наш герой особо не любил, считал: раз бывший русский офицер – значит, патриот, а раз патриот – значит, «фашист». Уничтожать их надо беспощадно и не поодиночке – всех сразу, скопом. Раздобыл в городском военкомате списки бывшего русского офицерства, у себя в столе порылся – отыскал кое-какие фашистские листовки. И послал надежных подручных на обыск к инженеру Филимонову, который в Гражданскую войну работал в омских авиа-мастерских у Колчака. Ясное дело, что подручные нашли эти листовки у бывшего колчаковца в платяном шкафу: попался, фашист! А вскоре по Питеру победный звон-перезвон раздался: вскрыта и обезврежена целая «Русская фашистская партия», состоявшая из недобитых золотопогонников. Перельмутр был на седьмом небе: сталинский нарком Ежов самолично поблагодарил его за усердие в борьбе с «врагами народа» – назначил начальником Управления НКВД в Амурскую область. Трепещите, оставшиеся в живых!

Еще по дороге в Сибирь затеял Перельмутр утопить Благовещенск в казачьей крови. Приехал, сразу же подчиненным убойную цифру назвал: десять тысяч трупов – не меньше! Сам вооружился ремнем – ходил по кабинетам, хлестал допрашиваемых почем зря. Заодно обучал неумех премудростям палаческого ремесла: «Спички у арестованного есть в кармане, дома есть керосин – значит, диверсант». Или: «Пиши ему, что он имел задание организовать шторм в Тихом океане, все равно эти протоколы никто читать не будет». Казаки с ходу соглашались подписать любую дурь: о зверских побоях уже наслышались в камерах. А Перельмутр зверел с каждым днем: мало ему крови, мало – еще подавай! А когда ворвались к нему в кабинет чекисты и обраслели запястья наручниками, никак не мог понять, что случилось: «Вы таки взбесились, да?» Ему: «Сам взбесился, черт проклятый!»

Заметался по камере Перельмутр, зацарапал стены ногтями, стал кричать надзирателю:

«Что, – говорит, – вы хотите меня расстрелять, давайте, говорит, мне бумаги, чернил и ручку, я буду писать, обо мне знает, говорит, все прокурор, дайте, говорит, мне сюда следователя Веселова, я сейчас все ему расскажу» [7].

Как пришел следователь Веселов – пустил Яков Ефимович слезу, чуть ли не на коленях ползал, вымаливал пощаду. Унижался, хитрил, изворачивался. Не помогло: слишком много крови пролил он за свою страшную жизнь.

На суде стоял будто каменный. Говорил каким-то глухим, загробным голосом:

«Нет, я ранее был Перельмутром Яковом Ефимовичем, а теперь я уже Шелест Николай Александрович. У меня сейчас нет лет. Шелестом я стал с того момента, как прошел через кровопуск. Фамилия моего отца Перельмутр. Я родился в Чуднове. До ареста, очень давно, когда-то я работал начальником УНКВД в Благовещенске. У меня нет родных... Карпенко я знал по работе в Ленинграде. Фамилию Шелест не я изменил, а злые духи, которые мне сказали, что ты уже не Перельмутр, а Шелест, – вот я теперь и Шелест. Меня уже судили один раз и приговорили к расстрелу. Меня расстреляли, я уже прошел через кровопуск, и я теперь нахожусь перед Страшным судом, и не на земле, а на втором этаже» [8].

Согласно казенной бумаге, его расстреляли 17 марта 1940 года. А может, в действительности расстреляли не его, Перельмутра, а Шелеста? Может, жив-здоров Яков Ефимович, числится под другим именем-отчеством, ходит на службу, брызжет слюной на митингах, скандируя: «Долой!»? И чудится: белой ночью идет-бредет по Петербургу чудище Перельмутрище, таится в пролетах арок, шарахается от резкого фарного огня, идет-бредет по Лиговке мимо Перцова дома, где когда-то жил, по Литейному, где когда-то работал...

Список источников

1. Справка от 15.10.1938 г. (архивное личное дело Перельмутра Я.Е. № ХС-4155).
2. Справка от 13.12.1926 г. (там же).
3. Аттестация от 13.03.1926 г. (там же).
4. Показания Карпенко П.И. от 27.09.1937 г. (архивное следственное дело на Перельмутра Я.Е. № Н-15018).
5. Показания Смоктуновича А.И. от 05.03.1939 г. (там же).
6. Показания Болотина В.Г. от 14.04.1941 г. (архивное следственное дело на Болотина В.Г. № 807561).
7. Докладная надзирателя Сутягина от 11.01.1939 г. (архивное следственное дело на Перельмутра Я.Е. № Н-15018).
8. Протокол судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР от 15.02.1940 г. (там же).

Моонзундский герой

*Надевай свою куртку кожаную,
За пояс синий наган.
С ветром летним встревоженное
Дыханье встающих стран.*

Владимир Луговской, 1920 г.

Ночью 29 сентября 1917 года рядовой Повенецкого пехотного полка Мишка Брозголь был в карауле. Тагалахтскую бухту обволакивал туман. За темными соснами притаилась старая мыза Тагамойз: там, лежа вповалку, храпели намитинговавшиеся ввечеру пехотинцы.

А на рассвете стужки адского огня осветили окрестность: невесть откуда выплывшие германские дредноуты вдребезги разносили береговые батареи. Многочисленный кайзеровский десант высаживался на эстонский остров Эзель. Оглушенный артиллерийским громом, Мишка прибежал к мызе. И вовремя: однополчане, бросая винтовки и пулеметы, уже скрывались в лесу. Три дня плутали они по острову, пытаясь выйти к Эрисарской дамбе. Вчерашние революционные горлопаны призывали сдаться в плен. Когда же на перемычке узрели немецких самокатчиков, мигом белый флаг развернули: товарищи, не стреляйте – мы сдаемся!

Долгонько скитался потом на чужбине «герой» Моонзундского сражения Мишка Брозголь: томился в Либавском концлагере, чинил вагонетки на лотарингской шахте «Гомекур». 12 ноября 1918 года американские солдаты освободили узников: Мишка в Верденскую крепость попал. Из газет узнал, что в Петрограде произошел Октябрьский переворот: большевики вроде как раздали землю крестьянам, фабрики рабочим, а главное – установили равноправие национальностей. Про себя размышлял: «Именно такая власть является для меня самой благоприятной» [1]. Поэтому, когда комендант крепости французский генерал Валентен предложил добровольцам стать под святые знамена и спасти Россию от большевистских банд, Мишка Брозголь наотрез отказался. Его посадили в холодный каземат, кормили хлебом и чечевицей. Наконец Москва договорилась с Парижем об обмене военнопленными: комиссары возвращали неудачливых интервентов, а французы – русских солдат, не пожелавших сражаться за белую идею. И вскоре пароход «Батавия» с необычными пассажирами на борту взял курс на восток...

До войны служил Мишка в бакалейной лавке у Перельмана, дядюшки своего. Отец Мишки человеком был бедным, промышлял помаленьку кузнечеством в колонии Затишье Екатеринославской губернии и сумел дать сыну лишь начальное образование, а затем снарядил его на заработки к богатым сородичам, в город Александровск. Однако тетка оказалась столь вредной и жадной бабой, что сбежал он от Перельманихи – уехал в село Царе-Константиновка, что неподалеку. Там счетоводил у купца Матвея Коробова, пока не заприметил его местный урядник Дыйнего и не засадил на неделю в кутузку: находилась-то Царе-Константиновка за чертой еврейской оседлости. Пришлось Мишке вернуться к ненавистой тетке. Но эту недельную отсидку не забыл вовек. И большевистскую революцию воспринял как отместку за былое национальное и социальное унижение.

Очутившись осенью 1920 года в Петрограде, направился Мишка Брозголь на Балтийский завод, поелику считал себя «истым пролетарием», а пролетарий теперь в почете и довольствии живет. Повкалывал месячишко и разочаровался: жрать нечего, теплой одежды никакой, да и от барака до завода топать чуть ли не через весь город. Тут знакомый партиец Комаркин посоветовал пойти на курсы станционных агентов ГПУ – деньги немалые, паек солидный. Стал Мишка постигать азы чекистского искусства. Его учили:

«Мы уничтожаем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого».

Через пол года обучения получил достойную должность: агент первого разряда. И начал новую жизнь – тайную, неизведанную, жуткую. Вынюхивал, высматривал, выслушивал – на вокзалах, в поездах, на дальних полустанках: кто словечком обмолвится, кто взглядом покосится. Сразу на заметку: что, Советская власть не нравится? Кто такой? Какого происхождения?

Кажется, и жену себе высмотрел также: девушка бедная, темная, деревенская – сиделка в Красном госпитале на улице Гоголя. Один недостаток был у Казимиры: полька она, из Виленской губернии. Поэтому мать, будучи женщиной набожной, брак не одобрила. Мишка в Бога не верил, верил в Интернационал, а старинный предрассудок матери простил: посылал ежемесячно четвертной на житье-бытье. Гутта Берковна взамен посылала к сыну подраставших братьев и сестер. Он помогал: Софью и Евгению в органы госбезопасности пристроил, Соломона – на железную дорогу, Николая (будущего Героя Советского Союза) – в школу Кремлевских курсантов. А свояченицу Мальвину определил уборщицей в Большой дом. Уже тогда сослуживцы говаривали: Миша – делец, Миша – король блата. И то: железнодорожный билет нужному человеку достать – Брозголь, путевку в дом отдыха – он же. Услужливый!

Чекист Михаил Брозголь. Фотография 1930-х годов

Видать, тем и приглянулся начальнику Дорожно-транспортного отдела Ленинградского ГПУ Перельмутру. Облаготельствовал он Мишку, взял к себе в секретари. И не ошибся: тот перельмутровскую премудрость быстро усвоил – все дела втихую обдeldывать, а уж потом ими хвастаться. Если же какой чекист начнет принципи-альничать, то затыкать ему глотку. В 1932 году, к примеру, пришел из Москвы строгий приказ о повсеместном проведении массовой операции против кулацких повстанцев. А где их взять? В деревнях нищие мужики недавней раскулачкой насмерть перепуганы: им не до мятежа. К тому же оружия у них нет никакого, кроме оглобли. А приказ выполнять надо, иначе недолго и на Соловках оказаться. Вот премудрый Перельмутр и придумал: изъять у егерей под благовидным предлогом ружья, а затем переарестовать их и объявить повстанцами: пусть попробуют отпереться от «улик» – свои берданки, чай, не шишками заряжали. Так и сделали. Но нашелся один честный дурак, раскричался: это, мол, обман Советской власти! Пришлось его уму-разуму учить – послать в деревенскую глушь с наказом: или повстанцев найдешь, или в тюрьму за саботаж пойдешь. А какие в глуши повстанцы – одни волки да зайцы.

В другой раз такой же «честный» и «принципиальный» чекист растрезвонил на всю округу про «бахаревское» дело: мол, крестьянин Андреев чист как стеклышко – это нехоро-

шие чекисты ему в сарай оружие подбросили, а потом арестовали как мятежника. Перельмутр и так, и сяк оправдывался, выгораживал себя и подельников. Мишка тоже ходил бледный как полотно: стра-ашно! А его дружок и собутыльник Анисимов уже подумывал, как Перельмутра под монастырь будет подводить. Как бы не так! Яков Ефимович и не из таких переделок выходил победителем. Вот вызвал он к себе секретаря и говорит: «Миша, дорогой, возьми вину на себя – я тебя век не забуду!» Вздохнул Брозголь, глаза отвел в сторону: руки трясутся, коленки друг о дружку стучат, а делать нечего... Или пан, или пропал – согласился!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.